

**Лингвистическая репрезентация лицемерия
как формы социального поведения
(на материале русских, английских и немецких фразеологизмов)**

В статье выявляются семантические модели фразеологизмов русского, английского и немецкого языков с общим значением «лицемерие» и их когнитивные особенности. Фразеологизмы рассматриваются как средство создания прагматического эффекта и выявления универсальных закономерностей восприятия и оценки лицемерия как формы поведения носителями исследуемых языков.

The article deals with the semantic models of Russian, English and German idioms with general meaning "hypocrisy" in their cognitive aspect. Idioms are examined as a means of creating pragmatic impact and revealing the attitude of Russian, English and German native speakers to hypocrisy as a form of behaviour.

Ключевые слова концепт, фразеологизм, фразеосемантическое поле, прагматический эффект, флуктуация, корреляция

Key words concept, idiom, pragmatic impact, phraseosemantic field, fluctuation, correlation

Данная статья посвящена исследованию фразеологических единиц (ФЕ), объективирующих особенности концептуализации и категоризации лицемерия как формы межличностных и социальных отношений носителями русского, английского и немецкого языков (РЯ, АЯ и НЯ).

Фразеологические репрезентации представлений о лицемерии изучались нами в рамках исследования концептосферы «Обман». Актуальность такого исследования обусловлена отсутствием единого мнения о структуре концептуального поля «Обман», недостаточной изученностью ФЕ с семантикой обмана на межъязыковом материале с позиций лингвокогнитивного анализа и необходимостью выявления универсальных межкультурных закономерностей языковых (и, соответственно, ментальных) представлений изучаемого концепта, важных для успешного осуществления диалога культур.

Неоднозначность отношения к обману и высокая роль эмоционального и ситуативного факторов в его восприятии и оценке определенно являются межкультурной универсалией. По мнению специалистов, когнитивно-психологической основой ситуации обмана является внутренний конфликт, или когнитивный диссонанс, суть которого заключается в

«...противоречии межд <...> коммуникативными нормами, предписывающими субъекту кооперативное... поведение, и его целями, которые не могут быть реализованы этим путем» [10, с. 155]. Важным фактором представляется также противоречие между невозможностью обходиться без обмана и отнесением его к категории действий, совершение которых чревато негативной самооценкой и чувством вины. Как показывает повседневный опыт, для разрешения данного конфликта имеется два пути: либо выработать некий перечень ситуаций, в которых обман приемлем и может быть хотя бы частично оправдан, либо вовсе не квалифицировать высказывание или действие как обман, если они имеют позитивную цель. В соответствии с одним из центральных принципов когнитивной семантики «...концепт <...> может быть понят <...> лишь на фоне других ассоциированных посредством опыта концептов...» [17, с. 2] Исходя из этого, мы выдвинули следующую гипотезу: в основе восприятия и оценки той или иной формы обмана должна лежать корреляция соответствующего фрагмента концепта «Обман» с другими концептами носителей языка, причем не все они негативны в оценочном плане. Данные корреляции могут быть выявлены посредством анализа планов содержания, выражения и дискурсивного «поведения» его языковых репрезентантов.

Оптимальным языковым средством экспликации концепта «Обман» представляются ФЕ, значительно превосходящие нейтральную лексику по информационной емкости и коннотативным возможностям. Дистинктивными характеристиками ФЕ, обуславливающими их когнитивную ценность, представляются яркая образность, высокий аксиологический потенциал и способность производить иллюкутивный, или прагматический, эффект – вызывать те или иные чувства или отношение к обозначаемому. Кроме того, большинство ФЕ с семантикой обмана имеют высокую степень дискурсивной зависимости и проявляют тенденцию к флуктуации оценки: в различных речевых ситуациях реализуются разные смысловые фасеты, составляющие «импликационал фразеологической семантики» [2, с. 46], в силу чего одна и та же ФЕ может «отсылать» к различным в оценочном плане концептам. Таким образом, в зависимости от условий реализации ФЕ актуализируются различные стороны и признаки концепта. Отметим, что проблема фразеологической репрезентации концептов достаточно широко рассматривается в работах лингвистов-когнитологов: внимание уделяется взаимодействию семантики ФЕ и когнитивных структур, моделированию фразеологического значения [2, 11], когнитивным аспектам взаимодействия ФЕ и культуры [18]; типологии и классификации ФЕ [3, 17] и т.д. Однако сопоставительные исследования концепта «Обман» на материале трех языков до сих пор не проводились.

В качестве основных методов исследования нами использовались: концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, семантическое моделирование ФЕ, дискурсивный анализ, статистическая обработ-

ка данных. Материалом послужили примеры, полученные методом сплошной выборки из произведений современных русских, английских, американских и немецких писателей и данные фразеологических словарей.

Анализ лексикографических источников показал, что фразеологические номинации различных форм обмана оптимально структурируются в виде фразеосемантического поля. В нашем исследовании модель поля «Обман» разработана в соответствии с предлагаемой А. Крузом концепцией сегментной категоризации как наиболее родственной и типичной для обыденного сознания [17, с. 185], а в основу классификации ФЕ положен тематический принцип, позволяющий максимально полно представить концепт в виде фразеосемантических моделей, объективирующих различные его стороны и признаки, а также провести анализ контекстуального функционирования ФЕ каждой модели с целью выявления межконцептуальных корреляций. Были выделены несколько фразеосемантических групп, репрезентирующих фрагменты концептуального поля «Обман» – «Дезинформация», «Соккрытие», «Вымысел» и др. Как было сказано выше, в данной статье мы сосредоточим внимание на объективации феномена лицемерия.

Под лицемерием в повседневных ситуациях понимается неискренность в высказываниях и поступках. Поскольку актуальное значение ФЕ всегда «наследует и инкорпорирует определенные черты исходного фрейма или сценария...» [3, с. 112], рассмотрим исторические корреляции исходных лексем. Лексема РЯ *лицемерие* происходит от слова *личина*, обозначавшего маску, надеваемую во время некоторых игр, праздников или завоевательных походов. Кроме того, лексема имеет и более древнюю ассоциацию со способностью менять внешний облик, вызывавшей у человека преклонение, но также страх, враждебность, недоверие и ощущение собственной уязвимости [7]. Лексема АЯ *hypocrisy* ведет происхождение от греческой *hypokrisis* (*игра на сцене, актерство, притворство, симуляция*). Лексема НЯ *heucheln* связана с готской *hiwi* (*наружность, образ*) и с древнеанглийской *lieg* («гнувшийся», «злой» огонь) [6, с. 223]. Очевидно, что древние ассоциации лицемерия в концептуальной системе представителей трех культур имеют высокую степень сходства и сводятся, с одной стороны, к признакам неизвестности, «искривленности», обмана зрения (концепты «Опасность», «Предательство», «Вред»), с другой – к сверхъестественной способности, недоступной обычному человеку (концепты «Колдовство», «Искусство»). Таким образом, лицемерие представляется достаточно сложной формой поведения, концептуализация и категоризация которой требуют тонкой признаковой и оценочной градации, особенно с учетом того, что в современном обществе маскировка истинных чувств, намерений и внутреннего содержания – не только повсеместное явление, но и во многих ситуациях непреложное социальное требование.

ФЕ, объективирующие лицемерие, можно разделить на три основные фразеосемантические группы, объединенные значением (семантическим инвариантом) неискреннего поведения, маскирующего истинные чувства, намерения, состояния и установки субъекта. Нами было рассмотрено 112 контекстов РЯ, 81 – АЯ и 102 – НЯ (всего 295).

Первая группа объективирует форму поведения, называемую в просторечии двурушничеством. Она представлена ФЕ в количестве 18 единиц: *действовать на два лагеря, вести двойную игру* (РЯ), *to carry water on both shoulders* (АЯ), *ein doppeltes Spiel spielen, auf beiden Schulter Wasser tragen* (НЯ) и др.

Семантический вариант можно сформулировать так: «придерживаться двойственной тактики поведения, преследуя собственную выгоду и не поддерживая по-настоящему ни одну из сторон». ФЕ этой модели имеют высокую степень межъязыковой эквивалентности в структурно-семантическом и функционально-смысловом аспектах и объединены наличием компонентов, несущих сему «двойственности». Базовый прототипический образ дает ассоциации с жадностью, коварством и имплицитно признак предательства, отсылая к соответствующим негативным концептам и обуславливая фиксированную отрицательную оценку. Таким образом, прагматический эффект ФЕ обеспечивается однонаправленным действием планов содержания и выражения и реализуется в чувствах презрения, неприязни, недоверия. В контекстах эффект часто усиливается посредством использования негативных модификаторов или эксплицитированного противопоставления несоответствия внешнего поведения субъекта и его истинного отношения к реципиенту: *Machen Sie diesem Schuft bemerkbar, dass man in meinem Dienst nicht auf zwei Schultern Wasser trägt* [21, с. 500]; *You want to carry water on both shoulders. You behave friendly with people, but you betray their confidences* [5, с. 275]. Роль контекста также заключается в реализации различных смысловых фасет, актуализируемых посредством экстралингвистической информации – например, акцентирование неприятностей, которые такое поведение несет субъекту: *Появись предлог насторожиться... Японцу, и он сразу вычислит, что прокурор... ведет двойную игру... Играть с огнем не следовало* [9, с. 78].

Вторую группу составляют 7 ФЕ под вариантом «любыми средствами завоевывать симпатию и доверие человека, чтобы использовать его в своих целях и (или) причинить вред»: *без мыла в душу лезть, втираться/вкрадываться в доверие* (РЯ), *to worm oneself into smb's confidence* (АЯ), *sich in j-s Gunst/Vertrauen entschleichen* (НЯ) и др.

Эти ФЕ также несут фиксированную отрицательную оценку и по большей части являются полными эквивалентами. Они не частотны в употреблении, но обладают повышенной экспрессивностью. Дифференциальным признаком этой модели является крайняя неразборчивость в средствах. Прагматический эффект создается комбинацией воздействия

внутренней формы ФЕ (образ действий, свойственных пресмыкающемуся) и семы «действия исподтишка», что имплицитно подразумевает вредоносные намерения, цинизм, бессердечие, коварство, агрессию. Результат – чувства резкого неодобрения, недоверия, брезгливости, неприязни (корреляция с концептами «Опасность», «Предательство»): Никаких мне твоих гостинцев не нужно... Знаем мы гостей этих. Сперва без мыла в душу лезут, а потом... [14, с. 214]. Положительная оценка такого поведения возможна только как проявление самодовольства обманщика: “I’ve got money now – lots of it... I got wed to the old fella who owned this place. I worked for him and wormed my way into his affections”. She grinned [16, с. 134].

Третья группа имеет общее значение «говорить и вести себя так, чтобы скрыть свои истинные намерения, чувства, мнение». Ее составили 8 ФЕ: *делать вид, ломать/играть комедию* (РЯ), *to put up a (false) front* (АЯ), *Komodie/Rolle spielen* (НЯ) и др. Отметим, что эти ФЕ при небольшом количестве обладают широкой вариативностью компонентов и высокой частотностью употребления.

Поведение, репрезентируемое посредством ФЕ данной модели, в повседневности называется притворством. Стереотипный образ, лежащий в их основе, имеет источником домен «Лицедейство, игра на сцене», а на более глубоком, архетипическом ассоциативном уровне – «Физическая трансформация». Именно эта модель максимально реализует весь спектр корреляций, с древности сохранившихся за репрезентируемой ею формой поведения. ФЕ данного ряда имеют флуктуирующую оценку и самую высокую степень дискурсивной зависимости. Рассмотрим несколько групп примеров.

(1) Господи, когда же она наконец перестанет бояться его звонков?! Он ревновал ее – или *делал вид*, что ревнует, Мика не знала. С ним она никогда ничего не знала точно [13, с. 63]; Арчеладзе... никогда не видел его истинного лица. Всякий раз генерал при встрече *натягивал маску*... [1, с. 161] В этих контекстах ФЕ выражают отрицательную оценку. Незнание истинных целей субъекта, имплицитное подозрение в его злонамеренности или использование притворства как средства психологического давления на реципиента усиливают негативную коннотацию и обеспечивают корреляцию с концептами «Опасность», «Вред», «Разрушение».

(2) С глазу на глаз сидим, чего бы, кажется, друг друга-то морочить, *комедию играть*? [4, с. 278]; *Spiel keine Komodie, Kerl! Du hast keinen Pfennig in der Tasche!* [19, с. 49] В примерах этой группы отрицательная коннотация ФЕ обусловлена комбинацией признаков явной бессмысленности притворства (реальное положение дел всем известно) и личного нежелания реципиента подыгрывать субъекту. Результат – резкое неодобрение, раздражение.

(3) “Wie war es bei Tamara’s Verlobung?” “Na großartig. ...sie wäre kein Vamp und kein Sexstar, sondern eine Frau mit Herz... Sie wollte *eine*

“*wirkliche*” *Rolle spielen*. Es war sehr komisch... [19, с. 72]; “Why would he do that?” “I have no idea”. She must have done some action at one point... She *made a show of frowning*, then shook her head... [20, с. 321]. Эти контексты репрезентируют ситуации, по содержанию аналогичные ситуациям предыдущей группы. Однако негативная коннотация смягчается снисходительным отношением реципиента; прослеживаются лишь беззлобная насмешка, легкая ирония.

(4) Ируська при оценке анекдотов в расчет не принимается, она девочка вежливая, добросердечная..., всегда *сделает вид*, что ей смешно, когда рассказчик от нее этого ждет. Обидеть человека боится [8, с. 100]. В таких ситуациях причина притворства – нежелание задеть чужие чувства (концепт «Такт»). Такое поведение переходит в категорию «конвенциональной» лжи и, как правило, не встречает негативного отношения. Отметим еще один мотив конвенционального притворства, наиболее характерный для АЯ – нежелание показывать свои чувства, переживания (в британской культуре не поощряется демонстрация эмоций, особенно отрицательных): He hadn't shown any signs of grief over his father's death, but I'm sure he's just *putting up a front* [15, с. 149].

(5) *Hatte ich nicht vor ihnen und vor mir selber stets nur brillante Komodie gespielt?* [21, с. 426]; Они работали вместе много лет и все эти годы *играли* в одну и ту же *игру* Архипов – как бы самодур-начальник... Магомедов – как бы творческий гений, с трудом выносящий самодура-начальника [12, с. 195]. Эти контексты репрезентируют «прозрачный» обман – игру, безвредную и развлекающую обоих участников (концепты «Игра», «Искусство»).

Отметим, что ситуации с однозначно негативной оценкой притворства составили в общей сложности 70% в РЯ, 65% в АЯ и 87% в НЯ; ситуации конвенционально и эмоционально востребованного притворства с отсутствием отрицательной оценки – чуть более 10% в НЯ, 25% в РЯ, около 30% в АЯ (при этом в РЯ преобладает эмоционально-психологический мотив).

Анализ ФЕ, репрезентирующих лицемерие, позволяет сделать следующие выводы. Главной универсальной закономерностью представлений о лицемерии является их тщательная признаково-оценочная градация, нашедшая языковое выражение в существовании трех межъязыковых фразеосемантических моделей, репрезентирующих актуальные для носителей языков разновидности этой формы поведения. Около 80% ФЕ данной сферы близки к полной межъязыковой эквивалентности, культурно-специфичных ФЕ всего 4%. Этот факт, как видится, обусловлен межкультурной общностью ассоциаций, сохранившихся за лицемерием как формой поведения с древних времен. Фразеосемантическая модель «Притворство» реализует максимально широкий спектр корреляций за счет флуктуации оценки и высокой степени дискурсивной зависимости. Основными факторами прагматического эффекта, наряду с образной основой ФЕ, являются

контекстуально объективируемые признаки целей, манеры и уместности поведения субъекта, а также позиция реципиента. В этом плане обнаруживается следующая закономерность. Признаки цинизма, злонамеренности и т.п. обуславливают корреляцию с негативными концептами «Опасность», «Разрушение», «Предательство» и квалификацию действий как злостной дезинформации. В ситуациях проявления лицемерия, востребованного по причинам социокультурного, эмоционального или индивидуально-личностного характера, негативная коннотация ФЕ затушевывается или вовсе теряется (корреляция с позитивными концептами «Такт», «Игра», «Искусство»). В целом ситуации с однозначно негативной оценкой лицемерия составили 78% в РЯ, 70% в АЯ и 87% в НЯ; ситуации востребованного или оправданного лицемерия с отсутствием отрицательной оценки – чуть более 10% в НЯ, 25% в РЯ, около 30% в АЯ. Очевидна универсальность представлений о конвенциональном притворстве как о важной части коммуникации и наличие эмоциональной потребности в нем. К основным внутриязыковым закономерностям можно отнести особо неодобрительное отношение к любым формам лицемерия в НЯ и важность конвенционального притворства в АЯ, обусловленного социокультурными традициями.

В целом предложенный в нашей работе подход к классификации и анализу ФЕ позволяет выявить закономерности представлений носителей исследуемых языков о феномене обмана на лингвистическом и ментальном уровнях. Перспективными представляются также приложение данного подхода к исследованию других абстрактных концептов на материале славянских и европейских языков и дальнейшее изучение потенциала ФЕ как средства экспликации межконцептуальных корреляций.

Список литературы

1. Алексеев С. Т. Сокровища Валькирии. – М.: Ковчег, 1995.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008.
4. Квеселевич Д. И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1998.
5. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц. – М.: Живой язык, 2005.
6. Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. – М.: Азбуковник, 2004.
7. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: ПОЛИСЕТ, 1994.
8. Маринина А. Б. Седьмая жертва: Роман. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
9. Мир-Хайдаров Р. Масть пиковая: Роман. – М.: Советский писатель, 1992.
10. Морозова Е. И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект: Монография. – Харьков. Экограф, 2005.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.

12. Устинова Т. В. Пороки и их поклонники: Роман. – М.: Эксмо, 2004.
13. Устинова Т. В. Закон обратного волшебства: Роман. – М.: Эксмо, 2005.
14. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. – 7-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006.
15. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
16. Cox J. Jinnie. – London: Headline, 2002.
17. Cruse A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
18. Eismann W. Jenseits der Weltbild-Phraseologie. Vergessene psychoanalytische Perspektive in der Phraseologie // Aspekte europäische Phraseologie. Festschrift für Gertrud Greciano zum 60. Geburtstag. – Hohengehren, 2001. – S. 107-122.
19. Fischer M. L. Glück ist keine Insel: Roman. – München: Heine Verlag, 1987.
20. Grafton S. N is for Noose. – London: Pan Books, 1999.
21. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / 2-e, neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim: Duden Verlag, 2002.